МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В. А. Туев

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
15 июня 2017 г.

Дата принятия к печати
20 ноября 2017 г.

Дата онлайн-размещения
27 ноября 2017 г.

Ключевые слова

Идеология; социальный
идеал; коллективизм;
социальное равенство;
справедливость;
державность;
народовластие; духовность

Аннотация

Рассматривается понятие идеологии, определяется ее место в общественном сознании, выявляются социальные и «экзистенциальные» последствия идеологической «размагничности» общества. Обосновывается вывод о зависимости выбора идейной ориентации общества от исторического опыта народа и универсалий социальной культуры. Характеризуются основополагающие культурные ценности, выработанные в историческом опыте народов России. Утверждается, что основой всей системы ценностей отечественной культуры выступает коллективистский характер социального жизнеустройства. Коллективизм пронизывает такие императивы российского менталитета, как социальное равенство и справедливость, понимание которых опирается на трудовую доминанту общественной жизни. В этом же ряду такие ценностные приоритеты, как народовластие, державность, патриотизм, духовность, которые представлены в их единстве и взаимосвязи. Комплексный подход к выработке идеологии российского общества предполагает учет системного единства основных ценностей нашего общества и приоритетов российской ментальности.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE IDEOLOGY OF RUSSIAN SOCIETY

Vasilii A. Tuev

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Article info

Received
June 15, 2017

Accepted
November 20, 2017

Available online
November 27, 2017

Keywords

Ideology; social ideal;
collectivism; social equality;
justice; power statehood; the
rule of the people; spirituality

Abstract

The paper views the notion of ideology, defines its place in public conscience, and reveals social and «existential» consequences of ideological indifference of society. It is concluded that the choice of ideological orientation in society depends on the nation's historical experience and social cultural universals. The author characterizes the principal cultural values developed in the historical experience of the peoples of Russia. The basis of the whole value system of the national culture lies in the collectivist character of the social organization. Collectivism fills such imperatives of Russian mentality as social equality and justice, which are based on the priority of labor in social life. They are accompanied with such priorities as the rule of the people, power statehood, patriotism, and spirituality, which are presented as integrated and interrelated. An integrated approach to developing the ideology of Russian society requires systemic integration of the basic values of our society and the priorities of Russian mentality.

Прошло 25 лет с тех пор, как Россия, отказавшись от коммунистической идеологии, начала движение в неопределенном на-

правлении — без целей и идеалов. При этом многие всерьез думают, что так и должно быть, что наше общество и не должно иметь

целевых ориентиров своего движения. Похоже, что этих людей не беспокоит то, что общество постепенно вязнет в трясине, двигаясь все медленнее даже в пространстве экономики, не говоря уже о личностном развитии человека. Таких людей не потрясает ни катастрофическое снижение уровня образованности нашей молодежи, ни ее погружение в стихию потребительства, ни даже всё учащающиеся факты самоубийств детей и подростков.

Еще в начале 2000-х в Бюллетене ВОЗ был опубликован тревожный материал под заголовком «Они выбирают смерть — нарастающая эпидемия среди молодежи». В качестве причин этого явления были названы такие, как обострение экзистенциальных проблем, разрушение традиций, разрыв связи поколений, алкоголизация и наркотизация, распространение психических расстройств. И здесь сам собой напрашивается вопрос: случайно ли, что Россия начиная с 90-х гг. уверенно занимает по этому показателю одно из первых мест в мире?

Разве не ясно, что это вопиющий сигнал неблагополучия в общественной жизни, в частности в сфере общественного сознания? Серьезный исследователь этой темы В. А. Розанов указывает на многочисленные проявления психосоциального стресса, вызванного крушением Советского государства и последовавшими за этим негативными социально-экономическими и политическими процессами — кричащим социальным неравенством, внедрением потребительства, индивидуализма, культивированием патологических влечений, распространением поведенческих девиаций и других «ценностей» западной культуры. При всем этом одной из главных причин суицидов среди молодежи автор называет хроническое состояние тревоги и депрессии, обусловливаемое «нарастанием несправедливости, неравенства, несбывшихся ожиданий и негативного восприятия будущего» [1, с. 25].

Подчеркнем в связи с этим, что суицидальное сознание порождается, во-первых, деформацией ценностей и традиций, выработанных в прошлом, и, во-вторых, размыванием представлений о будущем, лишаящим его какой-либо определенности, затрудняющим постановку жизненных целей и делающим призрачной надежду на их достижение. В результате происходит обесмысливание настоящего, что и выражается в утрате смысла индивидуальной жизни человека.

Этот факт самым непосредственным образом связан с обсуждаемой нами темой:

сегодня молодежь все менее соотносит свои надежды с будущим, получая взамен ощущение бессмысленности жизни, и все чаще приходит к мысли о том, что жизнь не стоит того, чтобы жить. Между тем достойный и приемлемый образ будущего может быть создан только средствами идеологии, базирующейся на исторически выработанных ценностях и традициях народа. Так, может быть, хотя бы такое, поистине экстремальное, проявление обесмысливания жизни, как суицидальность сознания и поведения детей и подростков, заставит нас, наконец, поставить ребром вопрос о том, нужна нам общественная идеология или нет.

Известно, что ст. 13 Конституции Российской Федерации запрещает установление государственной или какой-либо другой «обязательной» идеологии. Что ж, обязать каждого придерживаться той или иной единой идеологии никто не вправе, но значит ли это, что нам запрещается вырабатывать и предлагать обществу такую идеологию, которая была бы приемлемой если не для всех, то для большинства? Нередко эта конституционная норма понимается как безусловный запрет на все и всякие попытки разработки и обоснования идеологической ориентации общества. Однако при подобном толковании общество оказывается лишенным возможности выдвижения своего идеала, а вместе с этим — и сколько-нибудь ясной и более или менее отдаленной перспективы своего развития. Откуда же у людей, особенно молодых, появятся на этом безыдейном фоне собственные жизненные цели? Или эти цели можно поставить и достигнуть независимо от общества? Вопрос риторический. А ведь отсутствие провозглашаемых и одобряемых обществом ориентиров как раз и создает «экзистенциальный вакуум» в душах молодых людей, подвигая их в лучшем случае к бессмысленному «прожиганию» жизни, а в худшем — к тому «экстремальному» жизненному решению, о котором говорилось выше.

В 90-х гг. было много разговоров о «деидеологизации» общества. «Прорабы перестройки» и «реформаторы» расчищали тогда в общественном сознании поле для идеологии западного либерализма. Это было необходимо для слома духовного стержня народа, иначе ускоренное встраивание России в фарватер западной цивилизации могло встретить сопротивление не отдельных немногочисленных групп, а всего народа, сплоченного вокруг общих ценностей и целей [2, с. 67]. Почва для либерально-индивидуалистических взглядов прозападного толка

была основательно разрыхлена послесталинскими десятилетиями, поэтому оставалось утвердить эти взгляды в сознании общества и привести социальные структуры в соответствие с ними. Именно это и было успешно проделано нашими идейными и геополитическими противниками с опорой на их агентуру внутри страны. Вся история России была представлена в самом неприглядном свете, были подвергнуты тотальной дискредитации наши государственные деятели и народные герои, наши символы и традиции, ценности и идеалы.

Сегодня, когда страна находится в состоянии затяжного системного кризиса, необходимость выдвижения и теоретического обоснования идеологии общества не то что созрела, но уже давно перезрела, и всякие «оглядки» на одномерно толкуемый конституционный запрет на идеологию представляются губительными для страны. Если мы хотим, чтобы у России было достойное будущее, мы должны выработать и провозгласить идеологию нашего общества, и в срочном порядке — сегодня. Завтра, скорее всего, будет поздно.

Однако, для того чтобы сформировать идеологию, надо прежде всего представить, что она как таковая собой являет. В советские годы об идеологии, ее основаниях и приоритетах говорили настойчиво и убедительно, но сейчас мы очень многое успели подзабыть. Сегодня иногда утверждают, что идеология — это светская религия, что она представляет собой систему верований, на которой базируется общественная и государственная жизнь. А поэтому она не требует какого-либо рационального обоснования [3].

Здесь кое-что верно. Идеология включает в себя верования, но в современном «светском» обществе она не может основываться только на них. Общественная идеология — это теоретически оформленная система представлений об интересах, ценностях и идеалах того или иного общества. Она является корневой системой разветвленного дерева целей, осмысливающих и оправдывающих каждый судьбоносный шаг и государства, и отдельного человека. Становление идеологии в историческом аспекте происходит в многообразных культурных формах — от устных преданий до текстуально выраженных концепций и теорий, обосновывающих те или иные системы ценностей, одобряемые обществом. Именно ценности находятся в основании традиций, норм, стандартов, образцов поведения, выработанных в историческом опыте и запечатленных в той или иной культуре.

Идеология при этом выступает как «вторичное» образование, как продукт рационального осмысления и теоретического оформления сложившейся системы социальных ценностей. Идеи относятся к интеллектуальной сфере жизни: они предстают как результат мысленной обработки и обобщения исторического опыта народа. Вместе с тем идеология «перекодирует» первичные ценностные установки, придавая им порожденный ею новый смысл. В таком виде идеология становится конденсацией и развертыванием первичных смыслов культуры, она существенно определяет содержание общественного сознания и все своеобразие социальной жизни.

Несомненно, что идеология воздействует на умы, чувства, настроения людей прежде всего рациональным образом, поскольку ей присуща теоретически осознанная сконструированность. Однако она всегда стремится воздействовать и на иррациональные состояния человеческого сознания. Средства для такого воздействия существуют самые разнообразные, но наиболее эффективные среди них — технические средства массовой информации, арсенал которых с феерической быстротой растет и совершенствуется. Механизмы влияния на общественное сознание требуют специального философского и научного осмысления, мы же ограничимся здесь одним примером.

Главенствуют сегодня в достижении «иррационального» результата электронные средства массовой информации, и в первую очередь телевидение. Одной из целей, достигаемых с его помощью, является эффект массового внушения. Информация как «материал» отражательной деятельности мозга, подлежащий интеллектуальной обработке субъектом, играет здесь сугубо второстепенную роль. На переднем же плане — воздействие на инстинкты, влечения и другие бессознательные импульсы, возбуждающие массовую активность, а также на приобретенные, но «ушедшие в подсознание» мотивы действий и поступков. Соответствующие эффекты особенно успешно достигаются путем многократного повторения одних и тех же слов, воспроизведения одних и тех же образов. Так, на протяжении вечера нам могут десять и более раз показать один и тот же рекламный ролик, ибо при этом существенно повышается вероятность того, что зритель окажется под гипнотическим воздействием его образов. Современная психология утверждает, что многократным повторением одного и того же достигается

эффект непосредственного внедрения феноменов «виртуальной реальности» в подсознание человека.

Отметим в связи с этим, что в своей концептуально-теоретической форме идеология включает в себя в первую очередь социальный идеал, который, будучи стержнем всякой идеологии, становится также и предметом веры. Выработкой социального идеала обеспечивается устремленность идеологии в будущее [4, с. 130]. Историческая миссия идеала — вдохновлять людей на большие дела. Идеал — категория нравственная, следовательно, люди должны чувствовать его величие, его звездный свет, а не только прагматическую полезность. Однако идеал воспринимается и функционирует не только на эмоционально-чувственном, но и на рациональном уровне сознания. А это, в свою очередь, предполагает необходимость обоснования идеала и концептуальное оформление идеологии.

Идеал недостаточно провозгласить. Во-первых, его надо обосновать теоретическими средствами, прежде всего средствами науки, логики, философии; во-вторых, общество надо убедить в том, что это идеал, достойный того, чтобы ради него жить, учиться, работать, воспитывать приверженность к нему в новых поколениях. Иными словами, идеал «требует» не только своего оправдания в глазах современников и потомков, но и глубокого философского обоснования [5], поэтому идеология в ее развитой форме должна включать в себя рациональную составляющую. Так, идеология советского общества была теоретически оформленной и выступала идейным обоснованием исторической миссии советского народа — построения коммунизма и распространения коммунистических взглядов в мире.

Сегодня нас нередко призывают следовать западной методологии «технологического детерминизма», концептуально выраженной американскими экономистами и социологами Д. Гэлбрейтом, Г. Каном, Д. Беллом и др. В частности, Д. Белл утверждал, что наступление компьютерной эры ведет к созданию новых социальных структур, меняющих ценностные ориентации общества, его психологию и идеологию [6]. В своеобразном ракурсе, обращенном в будущее и уже поэтому выполняющем идеологические функции, развитие техники и технологий было представлено американским футурологом Э. Тоффлером в его некогда пользовавшейся шумной известностью книге «Шок будущего» [7]. Автор, кажется, готов

был подчинить все общественное развитие, все действия людей, их мысли и чувства интересам технико-технологического прогресса, «упразднив» при этом за ненадобностью всякие идеи и идеалы.

Между тем на Западе существуют и иные идейные предпочтения, которые провозглашались еще в древности, но получили новый импульс к развитию уже в XX в. Так, немецкий философ Х. Фрайер, первым обратившийся к философии техники, еще в 1929 г. увидел необходимость создания общественного порядка, позволяющего «встроить технику в систему культуры» [8, с. 78–79]. Техника, по мысли Х. Фрайера, лишь одна из ряда возможностей достижения общественно значимых целей. И цели эти, выражаемые общественной идеологией, определяются не техникой, а всей культурой общества. Поэтому и философия техники должна быть понята в более общем контексте сохранения жизненного мира человека, в то время как культ техники неизбежно поставит ее над человеком и человечеством: средство займет место цели. Позднее немецкий же мыслитель Ю. Хабермас применительно к ситуации второй половины XX в. с тревогой писал об инструментализации человека и безраздельной власти технократического сознания, которое становится идеологией «более непреодолимой и всепроникающей, чем идеологии старого типа» [9, с. 99].

Как же преодолеть эту методологическую амбивалентность в обосновании идеологии, зафиксированную западной философской мыслью? Мы полагаем, что для утверждения целей и идеалов в сознании того или иного общества надо вместо канонизации заимствованных где-то взглядов, пусть и «прогрессистских», как это было в лихие времена «деидеологизации», идти путем теоретического обобщения собственного исторического опыта, явленного в универсалиях народной (национальной) культуры. Только в том случае, если социальный идеал, аккумулирующий в себе направленность идеологии в будущее, опирается на ценности, выработанные в прошлом, он будет принят в качестве дальнего ориентира для устремлений, целей и деятельности как общества, так и отдельного индивида.

Среди универсалий культуры, рожденных историческим опытом народов России, выделяются — как основополагающие — коллективность, социальное равенство и справедливость, народовластие, государственный патриотизм и духовность. Именно в них зафиксированы традиционные для России

способы общественного жизнеустройства, мотивация поведения и деятельности, формы социального управления, тип государственной власти, приоритетность духовного начала жизни человека и общества [10].

Будем при этом иметь в виду, что коллективность — это прежде всего тип социальной организации. В его фундаменте находится общинное хозяйствование на земле, бывшей веками основной производительной силой общества. При этом специфика социальной организации российского общества предполагает не противостояние, а принципиальное единство личных и общественных интересов в их взаимодействии и динамике. У нас, констатировал когда-то видный философ-славянофил И. В. Киреевский, «человек принадлежит миру, а мир — ему». На коллективности такого рода основывался способ общинного самоуправления, включающий в себя принцип единогласия в процессе принятия решений. Коллективизм как готовность поставить интересы коллектива выше личных интересов стал общественно одобряемой нормой жизни и нравственной ценностью общества.

В советские годы подобный тип коллективности становится основой организации производственно-трудовой деятельности людей: все общество приобрело черты огромной ассоциации трудовых коллективов, которые самостоятельно, посредством совета, решали все важнейшие вопросы социально-экономической жизни. Выбор оптимальной для тех условий пропорции индивидуальности/коллективности стал мощным фактором интенсивного развития как общества, так и человека.

В рамках подобного типа коллективности следует рассматривать и такой принцип идеологии, как социальное равенство и справедливость. То и другое опирается на трудовую доминанту жизни. Но при этом в нашей культуре ценится не всякий труд, а тот, который нацелен на благо коллектива, а в конечном счете всего общества. Социальное равенство определяется мерой общественно значимого труда и формулируется как принцип: равная плата за равный труд. Такой критерий равенства выступает также и как критерий социальной справедливости: каждому по труду. Л. П. Арская, отмечая глубоко традиционный характер ценности труда в нашем обществе, аргументирует необходимость возрождения «трудовой» идеологии государства: общественная значимость труда и его «потребительский эквивалент» являются двумя частями уравнения, которое решается в сознании индивида, но не иначе как

на основе объективных — экономических и социальных — предпосылок, создаваемых политикой государства, опирающейся на соответствующую, т. е. трудовую, идеологию [11, с. 205].

История советского общества свидетельствует, что еще в 30-е гг. в стране были созданы одинаковые для всех «стартовые» возможности в виде социальных гарантий в сферах здравоохранения и образования, а также возможности последующего физического и духовного развития, измеряемые единой мерой — общественно значимым трудом. Именно такой труд выступал не только мерой распределения общественного богатства и измерителем социального статуса человека, но и нравственной доминантой всей общественной жизни.

В реализации «трудоцентристского» критерия социальной справедливости не менее существенную роль в нашей истории играла система народовластия, опирающаяся на принцип соборности — сплочение народа вокруг общей идеи. Историческими формами народовластия были вечевая демократия, общинное самоуправление и советская власть. Последняя представляла собой массовую политическую организацию, которая обеспечивала управление обществом на всех его уровнях. В частности, органы советской власти создавались путем выборов, начинавшихся выдвижением кандидатур на собраниях трудовых коллективов и завершавшихся итоговым тайным голосованием. Это была исторически преемственная система народовластия, в полной мере обусловленная предпосылками, сложившимися в социальной культуре народов России.

В результате сформировалась и такая — тоже глубоко традиционная для нас — форма организации общественной жизни, как сильная государственная власть, действовавшая в интересах коллективов, а значит, в интересах абсолютного большинства. Отсюда и еще один из важнейших идеологических принципов — державность, которая проявляется на социально-психологическом уровне сознания как государственный патриотизм. Так, любовь к советскому народному государству явила собой один из важнейших идеологических и социально-психологических факторов Великой Победы 1945 г.

Наконец, среди основополагающих принципов идеологии, выработанных в историческом опыте нашего народа, следует назвать духовность. Первенство духовного начала жизни по отношению к материальному в нашей культуре существенно определяет и все

важнейшие социальные приоритеты, такие как образование, воспитание, личностное развитие человека. Культивирование духовных ценностей делает народ единым и непобедимым, «пассионарным» — способным на великие свершения, поскольку при этом формируется нравственная направленность не только повседневного поведения человека, но и его трудовой и всякой иной социальной активности.

Приоритетность названных ценностей, интегрированных в феномене духовности, как раз и делает, в свою очередь, важнейшим императивом нашей общественной жизни выдвижение и функционирование социального идеала как идейной доминанты общества и как главного фактора обращенности в будущее жизненных устремлений его членов. Первенство духовности позволяет человеку преодолеть ограниченность телесного существования, подступить таким образом к границе вечности и обрести смысл своего личностного бытия. Духовно-нравственные ценности и идеалы веками придавали народам России возвышенный и даже божественный, «мессианский» смысл существования.

Отсутствие внятно сформулированного социального идеала, сосредоточенность на материальных ценностях, негативизация духовных традиций отечественной культуры и идеалов советского общества — все это отравляет сегодня сознание людей, прежде всего молодых, делает их заложниками и жертвами примитивных ценностных ориентаций. Молодежный менталитет формируется ныне почти исключительно под воздействием «рыночных» ценностей. На этой почве возникает характерный для Запада (но никак не

для России) образ «свободы», в котором присутствует социально-антропологический стереотип: восприятие человека в качестве средства, вынужденно необходимого «условия» для преумножения денежного капитала и других материальных благ. А это и есть путь к обесмысливанию человеческой жизни.

Справедливости ради отметим, что в ретроспективе трех последних лет, в связи с присоединением Крыма к России и событиями в Донбассе, произошел всплеск державных настроений в массах, свидетельствующий о том, что духовные ценности по-прежнему занимают важное место в общественном сознании. Об этом говорит и тот факт, что большинство населения воспринимает возвращение Крыма как восстановление исторической справедливости, как поворот государственной политики к социальным приоритетам и ценностям, выношенным в историческом опыте русского народа и явленным в вершинных достижениях советской цивилизации. Подтверждается правота Н. А. Бердяева, считавшего, что русский народ «социалистический по своему инстинкту», а поэтому социализм оказался «согласным с русскими традициями и инстинктами народа» [12, с. 59, 88].

В то же время этот феномен нашей ментальности предстает как важный индикатор направления, в котором должно идти формирование идеологии российского общества. Она не может быть построена на отрицании традиционных ценностей российской цивилизации и на огульном антисоветизме. Во имя будущего России мы должны обеспечить историческую преемственность в выборе идейного вектора нашего общественного развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розанов В. А. Самоубийства среди детей и подростков — что происходит и в чем причина? / В. А. Розанов // Суицидология. — 2014. — Т. 5, № 4 (17). — С. 16–31.
2. Миронов В. В. «Деидеологизация» — новая идеология? (о месте философии в образовании) / В. В. Миронов // Высшее образование в России. — 2003. — № 1. — С. 67–73.
3. Воеводина Т. В. Свободное поле идеологии / Т. В. Воеводина // Литературная газета. — 2014. — 7 мая.
4. Зиновьева О. М. Философское наследие Александра Зиновьева и современная российская идеология / О. М. Зиновьева // Философские науки. — 2016. — № 4. — С. 128–134.
5. Летагин Л. И. Философия идеологии / Л. И. Летагин — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. — 282 с.
6. Белл Д. Третья технологическая революция и ее возможные социальноэкономические последствия / Д. Белл // Информационная революция: наука, экономика, технология : реф. сб. — М. : ИНИОН, 1993. — С. 27–34.
7. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер. — М. : АСТ, 2003. — 558 с.
8. Фрайер Х. К философии техники (1929) / Х. Фрайер // Вопросы философии. — 2011. — № 3. — С. 73–79.
9. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас ; пер. с нем. М. Л. Хорькова. — М. : Праксис, 2007. — 208 с.
10. Туев В. А. Россия в цивилизационных координатах // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. — 2007. — № 5 (59). — Образ России в современной научной мысли. — С. 5–8.

11. Арская Л. П. Отношение к труду в системе национально-государственной идеологии / Л. П. Арская // Государственная идеология и современная Россия : материалы Всерос. науч.-обществ. конф., Москва, 28 марта 2014 г. — М. : Наука и политика, 2014. — С. 202–209.
12. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев — М. : Наука, 1990. — 224 с.

REFERENCES

1. Rozanov V. A. Suicides in Children and Adolescents — What is Happening and What May Be the Reason? *Suitsidologiya = Suicidology*, 2014, vol. 5, no. 4 (17), pp. 16–31. (In Russian).
2. Mironov V. V. «Deideologization» Is a New Ideology? (On the Place of Philosophy in Education). *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2003, no. 1, pp. 67–73. (In Russian).
3. Voevodina T. V. Free Field of Ideology. *Literaturnaya gazeta*, 2014, May 7. (In Russian).
4. Zinov'eva O. M. The Philosophical Heritage of Alexander Zinoviev and Modern Russian Ideology. *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2016, no. 4, pp. 128–134. (In Russian).
5. Letyagin L. I. *Filosofiya ideologii* [Philosophy of Ideology]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2014. 282 p.
6. Bell D. The Third Technological Revolution and Its Possible Socioeconomic Consequences. *Informatsionnaya revolyutsiya: nauka, ehkonomika, tekhnologiya* [Information Revolution: Science, Economics, Technology]. Moscow, INION Publ., 1993, pp. 27–34. (In Russian).
7. Toffler Alvin. *Future Shock*. Random House, 1970. 505 p. (Russ. ed.: Toffler A. *Shok budushhego*. Moscow, AST Publ., 2003. 558 p.).
8. Freyer Hans. Zur Philosophie der Technik. *Herrschaft, Planung und Technik. Aufsätze zur politischen Soziologie*. Weinheim, Acta humaniora, VCH Verlagsgesellschaft, 1987. S. 7–16. (Russ. ed.: Freyer H. K filosofii tekhniki (1929). *Voprosy filosofii*, 2011, no. 3, pp. 73–79).
9. Habermas J. *Technik und Wissenschaft als Ideologie*. Frankfurt am Main, 1968, 158 S. (Russ. ed.: Habermas J. *Tekhnika i nauka kak «ideologiya»*. Moscow, Praxis Publ., 2007. 208 p.).
10. Tuev V. A. Russia in Civilization Coordinates. *Omskij nauchnyj vestnik. Seria: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modern Times*. 2007, no. 5 (59), pp. 5–8. (In Russian).
11. Arskaya L. P. Attitude to Work in the System of National-State Ideology. *Gosudarstvennaya ideologiya i sovremennaya Rossiya. Materialy Vserossijskoi nauchno-obshchestvennoi konferencii, Moskva, 28 marta 2014 g.* [State Ideology and Modern Russia. Proceedings of the Russian National Scientific-Social Conference, Moscow, 28 March 2014]. Moscow, Nauka i politika Publ., 2014, pp. 202–209. (In Russian).
12. Berdyayev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origin of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p.

Информация об авторе

Тувев Василий Афанасьевич — доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: tuev-va@yandex.ru.

Author

Vasilii A. Tuev — DSc in Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: tuev-va@yandex.ru.

Для цитирования

Тувев В. А. Методологические проблемы идеологии российского общества / В. А. Тувев // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 4. — С. 600–606. — DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(4).600-606.

For citation

Tuev V. A. Methodological Problems of the Ideology of Russian Society. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 4, pp. 600–606. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(4).600-606. (In Russian).